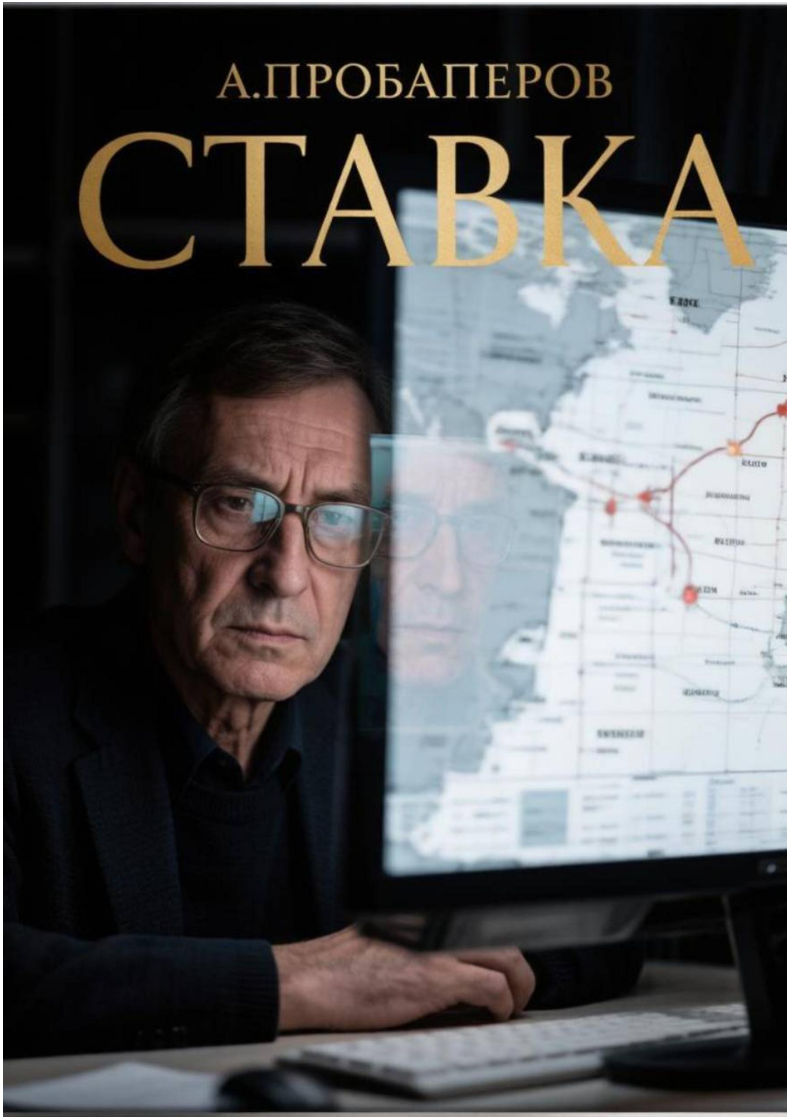
А.ПРОБАПЕРОВ

СТАВКА

А Пробаперов
Ставка

https://litres.ru/74714443
SelfPub; 2026

Аннотация

Николай — историк, который после внезапной смерти своей студентки теряет всё: работу, веру в себя и надежду спасти больную мать. В отчаянии он покупает билет в «Взгляд» — высокотехнологичную ИИ-игру, где можно прожить историю заново. Ту самую которую исследовала погибшая студентка в своей работе. Он выбирает Куропаткина, генерала, который проиграл Русско-японскую войну. Николай знает все ошибки. Он хочет их исправить. Но в игре есть другие игроки. Одни хотят рейтинга. Другие — чтобы всё было «как в учебнике». А кто-то просто хочет, чтобы Николай сломался, как когда-то сломался он сам.

«Ставка» — это история о том, что прошлое нельзя переиграть, но можно перестать быть его заложником. И о том, что иногда, чтобы спасти себя, нужно перестать спасать всех.

Содержание

Глава 1. Билет 5
Глава 2. Погружение 10
Глава 3. Объявление 14
Глава 4. Куропаткин 17
Глава 5. Вход и первые решения 20
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Ставка

Глава 1. Билет

Он купил билет в тот день, когда умерла его студентка.

Не потому, что хотел. Потому, что не мог больше смотреть на папку с её курсовой. Потому, что не мог больше сидеть в кабинете, где она когда-то сидела напротив. Потому, что не мог больше думать о том, что она написала: «Он был осторожен. Но осторожность — не то же самое, что ум».

Он купил билет. Рядовой солдат. Никто. Винтик.

И закрыл ноутбук.

Папка лежала на столе. Тяжёлая. С завязками. С пометками на полях. Николай Сергеевич смотрел на неё и не знал, что делать. Выбросить? Оставить? Сжечь?

В папке была курсовая. Аккуратно переписанные страницы. Карты. Схемы. И записка на первой странице — её почерком, ровным, с наклоном вправо.

Он не знал, что с этим делать. Он не знал, что делать с собой.

Она была на четвёртом курсе. Умная, тихая, с большими глазами. Она писала курсовую по русско-японской войне. Он консультировал её. Они сидели в библиотеке, разбирали карты, спорили о Куропаткине. Она говорила: «Он был не бездарен. Он был осторожен». Николай Сергеевич отвечал:

«Осторожность — не то же самое, что трусость. Но и не то же самое, что ум».

Она умерла в мае. Аневризма. Внезапно. Ей было двадцать два.

А через неделю он нашёл в её папке записку. Не на первой странице. На последней. Там, где обычно ставят точку. Её почерком. Ровным, с наклоном вправо.

«Он был осторожен. Но осторожность — не то же самое, что ум. А может, и то же. Я не знаю. Я не успела проверить».

Он перечитал. Потом ещё раз. Потом закрыл папку. И сидел. Просто сидел.

Он думал: она не успела. Не успела проверить. Не успела ответить. Не успела узнать. А он — он знал. Знал, что Куропаткин проиграл. Знал, что война закончилась. Знал, что революция случилась. Знал всё. Но он — не знал, была ли она права. Осторожность — не то же самое, что ум? Или — то же? Он не знал. И никогда не узнает. Потому что её больше нет.

Он думал: а что, если она знала что-то, чего не знал он? Что, если её работа — не просто курсовая? Что, если она видела то, чего он не видел? Что, если она — права? А он — нет?

Он не знал. И это было хуже всего. Не знать. Не мочь проверить. Не мочь спросить.

А потом он увидел объявление. «Взгляд». Игра. Модель. Возможность проверить. Не на бумаге. На деле. Он мог взять

её точку зрения. И свою. И сравнить. Не в уме. В модели. Которая учитывала всё. Логистику. Экономику. Настроения. Погоду. Случайности.

Он мог проверить. Не для неё. Для себя. Чтобы знать. Чтобы не мучиться. Чтобы ответить на вопрос, который она не успела задать.

Он купил билет.

Он узнал об этом от коллеги. Стоял в коридоре, держал в руках папку с её курсовой. И не знал, что с этим делать. Папка была тяжёлой. В ней лежала её жизнь — аккуратно переписанные страницы, пометки на полях, карты, схемы. Он не мог её выбросить. И не мог оставить.

Он принёс папку домой. Положил на стол. И сел рядом.

Мать спала в соседней комнате. Было тихо. За окном шёл дождь.

Николай Сергеевич преподавал историю в третьем корпусе. Корпус был старый, с высокими потолками и скрипучими половицами. Зимой из окон дуло, а летом пахло пылью и разогретым асфальтом. Николай Сергеевич числился профессором кафедры, получал немного и не жаловался. Жаловаться было некому.

Ему было сорок. Волосы уже тронула седина, но он её не закрашивал. Носил очки в тонкой оправе, которые постоянно сползали на кончик носа. Поправлял их указательным

пальцем, привычным движением, которое знал наизусть.

Мать болела.

Диагноз поставили в марте. Онкология третьей стадии. Врач говорил долго, но Николай Сергеевич запомнил только одно слово — «неоперабельно». Остальное прошло мимо, как шум за окном. Он кивал, задавал вопросы, записывал что-то в блокнот. А потом вышел на улицу и долго стоял, глядя на серое небо, и не чувствовал ничего, кроме холода.

Мать держалась. Она всегда держалась. Готовила, убирала, читала книги. Иногда спрашивала, как дела на кафедре. Он отвечал: «Нормально». Она кивала. Они оба знали, что это значит «плохо». Но не говорили об этом.

Денег не хватало. Лечение стоило дорого. Он продал всё, что мог. Осталась только квартира — старая, с видом на завод. И ещё осталась игра.

«Взгляд» появился пять лет назад. Сначала о нём говорили шёпотом, как о чём-то постыдном. Потом — в новостях. Потом — везде. Игра воссоздавала исторические события с точностью, которая казалась невозможной. Искусственный интеллект строил мир — людей, дома, дороги, небо. Всё было настоящим. Всё можно было потрогать.

Николай Сергеевич не играл. Он читал о ней. Смотрел репортажи. И думал: это интересно. Но не для него.

А потом умерла студентка. И он купил билет.

Он открыл ноутбук. Зашёл на сайт «Взгляда». Выбрал событие — русско-японскую войну. Нажал «Купить билет».

Рядовой солдат. Никто. Винтик.

Он заплатил. И закрыл ноутбук.

Глава 2. Погружение

Очки надевались легко. Как обычные солнечные. Только тяжелее — грамм на двести. И темнее. Николай Сергеевич сидел в кресле, держал их в руках и смотрел на инструкцию, которую не читал.

«Наденьте очки. Нажмите кнопку. Дождитесь загрузки».

Он надел. Нажал. Подождал.

Сначала было темно. Потом — серо. Потом — свет.

Он стоял на сопке.

Ветер бил в лицо. Настоящий ветер — холодный, сухой, с запахом пыли и полыни. Внизу, под сопкой, лежала долина. Жёлтая, выжженная, с редкими деревьями. Где-то далеко — река. И небо. Огромное, бледное, с редкими облаками.

Он смотрел и не мог двинуться. Ноги были чужие. Руки — чужие. Он поднял ладонь к лицу. Грубая, мозолистая, с обломанным ногтем. Не его рука. Рука рядового.

Он опустил руку. Огляделся.

Вокруг были люди. Солдаты. В серых шинелях, с винтовками. Кто-то сидел на корточках, кто-то курил, кто-то точил штык. Никто не смотрел на него. Никто не замечал. Он был одним из них.

Он сделал шаг. Потом ещё один. Ноги шли. Слегка неуклюже, но шли. Он подошёл к краю сопки. Посмотрел вниз.

Долина была пуста. Но он знал: там, за горизонтом, —

японцы. Он знал это не из игры. Он знал это из книг. Из карт. Из документов. Но сейчас, стоя на сопке, он чувствовал это иначе. Не как знание. Как страх.

Страх был настоящим. Не его. Чужой. Страх рядового, который никогда не видел войны.

Николай Сергеевич глубоко вдохнул. Выдохнул. И улыбнулся.

Он был здесь.

Вечером он снял очки. Голова болела. Глаза слезились. Он сидел в кресле и смотрел в потолок. В комнате было тихо. Мать спала. За окном шёл дождь.

Он думал о сопке. О ветре. О страхе. О том, как это — быть в другом времени.

Игра шла быстрее реальности. В четыре-пять раз. Это было сделано для того, чтобы события, которые в жизни длились месяцами, можно было прожить за недели. Сжатие достигалось за счёт автоматизации: диалоги шли с обычной скоростью, но переходы, сны, скачки, ожидания — сжимались. ИИ решал, что в этот момент не происходит ничего важного. И пропускал. Время здесь было другим. Не быстрее. Просто — плотнее.

Игра не останавливалась, когда он выходил. Персонаж продолжал действовать. Без него. По шаблону. По истории. Так было устроено: ИИ вёл персонажа по исторической линии, если игрок не вмешивался. Но был нюанс. Когда Ни-

колай возвращался, персонаж не сбрасывался. Он адаптировался. ИИ запоминал его стиль. Его решения. Его приоритеты. И в пассивном режиме старался им следовать. Но — не всегда. Потому что история — сильнее. И шаблон — сильнее. И если игрок надолго уходил, персонаж мог принять решение, которое ломало всю его линию. Николай это знал. И потому старался не пропускать. Но иногда — не мог.

Он не мог объяснить, что чувствовал. Это было не восторг. И не ужас. Это было что-то третье. Как будто он нашёл дверь, которую искал всю жизнь. И открыл её. И за ней — не чудо. За ней — правда.

Он встал. Подошёл к столу. Открыл папку с курсовой. Посмотрел на карты. На схемы. На пометки студентки.

Она писала: «Он был осторожен. Но осторожность — не то же самое, что ум».

Николай Сергеевич закрыл папку. И пошёл спать.

На следующий день он вернулся.

Сопка. Ветер. Солдаты. Всё то же. Но теперь он знал, что делать. Он пошёл вниз. К реке. К деревне. Он видел то, о чём читал. Китайские фанзы. Грязные улицы. Дети, которые смотрели на солдат с испугом. Женщины, которые прятались за занавесками.

Он шёл и смотрел. Не как игрок. Как историк. Он искал детали. Названия. Лица. Он хотел запомнить всё.

Вечером он снова снял очки. И снова сидел в кресле. И

думал.

Он думал о том, что игра — это не развлечение. Это — машина времени. И он — не турист. Он — исследователь.

Он думал о том, что если он сможет увидеть всё своими глазами, он сможет написать такую книгу, которую ещё никто не писал. Не сухую академическую монографию. А живое свидетельство. Изнутри.

Он думал о том, что, может быть, это и есть его шанс. Не на рейтинг. На смысл.

Он заплатил за следующий месяц. И продолжил.

Глава 3. Объявление

Прошло две недели.

Николай Сергеевич играл каждый вечер. По два часа. Иногда — по три. Он изучил расположение сопок, дорог, деревень. Он знал, где стоят японские патрули. Знал, где русские посты. Знал, когда меняются караулы. Он записывал всё в блокнот — настоящий, бумажный, потому что в игре блокнота не было.

Он не управлял своим рядовым. Он просто ходил. Смотрел. Слушал. Иногда говорил с другими солдатами — они были не игроками, а ИИ. Отвечали коротко, по-уставному. Но даже в этих коротких ответах он слышал то, чего не было в книгах. Усталость. Равнодушие. Страх.

Он возвращался домой. Снимал очки. И садился за стол. Писал.

Он писал не книгу. Пока — заметки. Обрывки. Фразы. «Сопка. Ветер. Полынь. Солдат не смотрит в глаза. Солдат смотрит в землю». «Китайская фанза. Ребёнок. Испуг. Не ненависть. Страх». «Офицер. Молодой. Говорит быстро. Боится, что не поймут».

Мать спрашивала: «Ты пишешь?» Он отвечал: «Пишу». Она кивала. И не спрашивала больше.

А потом он увидел объявление.

Оно висело на главной странице «Взгляда» — большой баннер, яркий, с золотыми буквами. «Промо-акция. Лучшее событие трёх лет. Продолжение игры». Он прочитал. И перечитал.

Смысл был простой. Раз в три года компания выбирала лучшее событие. То, которое игроки признали самым интересным. Самым точным. Самым важным. И это событие получало продолжение. Не просто повтор. А имитацию следующих нескольких лет развития исторического региона. Бесплатно. Для тех, кто участвовал в лучшем событии.

Николай Сергеевич откинулся в кресле. Посмотрел в потолок. И подумал: а что, если?

Он знал, что это модель. Игра. Симуляция. Не машина времени. Не параллельная вселенная. Просто очень точная, очень сложная модель, в которой можно проверить гипотезу. И именно это его и зацепило.

Как историк, он всю жизнь работал с гипотезами. «Что было бы, если бы Александр II не отменил крепостное право?» «Что было бы, если бы декабристы победили?» «Что было бы, если бы Россия не втянулась в войну с Японией?» Он писал статьи. Читал лекции. Спорил с коллегами. Но всё это было на бумаге. На словах. В уме.

А здесь — можно было проверить. Не на бумаге. На деле. В модели, которая учитывала всё: логистику, экономику, настроения, погоду, случайности. Он мог взять и попробовать. Не ради рейтинга. Ради ответа на вопрос, который мучил его

двадцать лет.

Он думал о том, что могло бы быть. Если бы Куропаткин не проиграл. Если бы революция не случилась. Если бы не было Первой мировой. Если бы не было 1917-го.

Он открыл ноутбук. Зашёл на сайт. Посмотрел на текущие события. Русско-японская война шла уже месяц. Игра шла. Событие развивалось. И где-то в этом событии был Куропаткин. Командующий Маньчжурской армией. Тот самый.

Николай Сергеевич знал о нём всё. Знал, что он был осторожен. Знал, что он боялся рисковать. Знал, что он проиграл. И знал, что он мог бы не проиграть.

Он закрыл ноутбук. Встал. Подошёл к окну. За окном шёл дождь. Мать спала в соседней комнате. Было тихо.

И вдруг в голове у него заиграл вальс. Тот самый. «На сопках Маньчжурии». Он не слышал его — ни в игре, ни в жизни. Но знал наизусть. Мелодия шла медленно, тяжело, как будто кто-то играл её на духовых — труба, тромбон, туба. Он представил себе оркестр. Невидимый. Где-то там, за окном, за дождём. И невольно пропел — тихо, себе под нос:

— Тихо в лесу, только не спит...

Он замолчал. Не знал, что дальше. Или знал, но не мог вспомнить. Вальс — это не про войну. Это про то, что после. Про тишину. Про память. Про тех, кто не вернулся.

Он стоял у окна. Смотрел на дождь. И думал: а что, если я попробую?

Глава 4. Куропаткин

Место освободилось в конце июня.

Николай Сергеевич увидел объявление случайно. Он листал форум «Взгляда» — искал карты, схемы, обсуждения. И наткнулся на сообщение: «Продаю место Куропаткина. Срочно. Цена договорная».

Он замер. Перечитал. Потом открыл профиль продавца. Тот был из Екатеринбурга. Играл давно. Рейтинг высокий. Но что-то пошло не так — то ли устал, то ли деньги нужны, то ли понял, что не тянет.

Николай Сергеевич написал ему. Спросил цену. Тот ответил. Цифра была большой. Очень большой. Больше, чем он мог себе позволить.

Он закрыл ноутбук. Встал. Подошёл к окну. За окном был двор, серый и пыльный. Мать спала. Было тихо.

Он думал: отдать последние деньги за место в игре. За персонажа, который проиграет. За человека, которого он знал лучше, чем самого себя. Это было безумие.

Он думал: а что, если я не куплю? Что тогда? Он будет играть за рядового. Смотреть. Записывать. И ничего не менять. А потом событие закончится. И он вернётся к своей жизни. К лекциям. К папке с курсовой. К маминой болезни.

Он думал: а что, если куплю? Что тогда? Он получит власть. Не над миром. Над моделью. Но это — тоже власть.

И он сможет проверить. Не на бумаге. На деле.

Он вернулся к столу. Открыл ноутбук. Написал продавцу: «Я беру».

Деньги он собрал за неделю. Продал книги. Часть библиотеки — ту, которую собирал годами. Продал старый фотоаппарат. Продал всё, что можно было продать, кроме квартиры и папки с курсовой.

Мать спросила: «Что-то случилось?» Он ответил: «Ничего. Работа». Она посмотрела на него долго. Потом кивнула. И не спросила больше.

Он перевёл деньги. Продавец прислал подтверждение. Место перешло к нему. Куропаткин. Командующий Маньчжурской армией. Тот самый.

Он вошёл в игру вечером. Надел очки. Нажал кнопку. Дождался загрузки.

И оказался в штабе.

Это была не сопка. Не окоп. Не поле боя. Это была комната. Большая, с высокими потолками. Стол. Карты на стенах. Телефон. Кресло. За окном — дождь.

Он сидел в кресле. И смотрел на свои руки. Большие, тяжёлые, с длинными пальцами. Не его руки. Руки генерала.

Он поднял голову. Перед ним лежала карта. Маньчжурия. Сопки. Реки. Дороги. Красные и синие линии. Он знал эту

карту наизусть. Но сейчас она была не в книге. Она была перед ним. Настоящая.

Он провёл пальцем по линии фронта. Медленно. Как будто проверял, настоящая ли бумага. Бумага была настоящей. Или казалась такой.

Он откинулся в кресле. Закрыл глаза. И подумал: вот я здесь. Я — Куропаткин. Я — тот, кто проиграл. И теперь я знаю, что будет дальше.

Он открыл глаза. Посмотрел на карту. И начал думать.

Глава 5. Вход и первые решения

Первое, что он сделал, — не подписал приказ.

Приказ лежал на столе. Готовый. Отпечатанный. С формулировками, которые он знал наизусть. Наступление. Общее. По всему фронту. Тот самый приказ, который в реальной истории отдал Куропаткин. Не он. Но он.

Николай Сергеевич перечитал его. Потом ещё раз. Потом отложил в сторону.

Он не был против наступления. Как историк, он знал: наступать было нужно. Японцы были далеко от дома. У них не хватало ресурсов. Их надо было давить. Но он знал и другое. Знал, что Куропаткин подписывал такие приказы — и проигрывал. Не потому, что приказ был плох. Потому что он сам не верил в него. Подписывал — и сомневался. Отдавал — и колебался. И это передавалось войскам. Офицеры чувствовали неуверенность. Солдаты чувствовали страх. И наступление захлёбывалось.

Он не хотел повторить эту ошибку. Не потому, что был лучше Куропаткина. А потому, что знал, чем всё кончится.

Он встал. Подошёл к карте. Посмотрел на линию фронта. На свои войска. На японские. И начал писать. Не приказ. План. С расчётами. С картами. С вариантами. Он расписывал каждый шаг: где стоят войска, сколько у них снарядов, сколько дней они могут держаться. Он считал дороги. Счи-

тал мосты. Считал погоду. Он знал, что в Маньчжурии летом — дожди. Дороги размывает. Обозы вязнут. Артиллерия отстаёт.

Он знал это из книг. Но сейчас, глядя на карту, он видел это иначе. Не как строчки в монографии. Как грязь. Как воду. Как людей, которые ждут, когда подвезут снаряды.

К утру у него был план. Не наступать сразу. Сначала — укрепить фланги. Стянуть резервы. Подготовить обозы. Дождаться, когда дороги подсохнут. И только потом — наступать. Но не по всему фронту. На одном участке. Там, где японцы не ждут.

Он знал, где они не ждут. Знал из истории. Из документов. Из писем. Он знал, что под Сандепу японцы не укрепили левый фланг. Знал, что там можно прорваться. Если ударить быстро. Если ударить точно.

Он перечитал свой план. Потом ещё раз. Потом подписал приказ. Но не тот, что лежал на столе. Новый. Свой.

Он отдал первый приказ. Укрепить фланги. Стянуть резервы. Подготовить обозы. Потом второй. Провести разведку. Не силами казаков. Силами пехоты. Тихо. Ночью. Чтобы японцы не заметили. Потом третий. Написать письмо в ставку. Не просить подкреплений. Объяснить. Медленно. Спокойно. С фактами. С картами. С расчётами.

Он писал долго. Как историк. Как человек, который знает цену словам. Он писал не для того, чтобы его любили. Он

писал для того, чтобы его поняли.

Он закончил поздно. В игре было утро. За окном штаба шёл дождь. Он смотрел на свои руки. На руку генерала. И думал: вот я здесь. Я делаю то, что не сделал Куропаткин. И я не знаю, что будет дальше.

Письмо в ставку ушло. Ответ пришёл через два дня.

Николай Сергеевич читал его долго. Потом отложил. Потом перечитал. Потом встал и подошёл к окну.

За окном штаба был дождь. Мелкий. Нудный. Он шёл третьи сутки. Дороги размыло. Обозы встали. Артиллерия застряла где-то между Ляояном и Мукденом.

Ответ был коротким. Ставка не одобряла. Ставка требовала наступления. Немедленно. По всему фронту. Как было приказано.

Николай Сергеевич смотрел на эту строчку и думал: а что, если я не подчинюсь?

Он знал, что будет. В реальной истории Куропаткин подчинялся. Наступал. Проигрывал. А потом его отстраняли. И он уходил в тень. И писал мемуары. И оправдывался.

Николай Сергеевич не хотел писать мемуары. Он хотел выиграть.

Он вернулся к столу. Взял ручку. И написал ответ. Не отказ. Не бунт. Просто — ещё одно письмо. С фактами. С картами. С расчётами. Он объяснял, почему наступление сейчас невозможно. Почему дороги не выдержат. Почему обозы не

дойдут. Почему артиллерия не успеет. Он писал не как генерал. Как историк. Как человек, который знает, что бывает, когда не ждут.

Он отправил письмо. И стал ждать.

Ответ пришёл через день. На этот раз — не из ставки. От другого игрока.

Сообщение было коротким: «Ты кто такой?»

Николай Сергеевич посмотрел на имя отправителя. Владимир Линсвич. Тот самый. Игрок за генерала Линсвича. Того, кто в реальной истории командовал одной из армий. Того, кто проиграл под Шахэ. Того, кто не любил Куропаткина.

Он ответил: «Николай. Историк».

Линсвич написал: «Историк? В игре? Зачем?»

Николай Сергеевич подумал. Потом написал: «Хочу проверить одну гипотезу».

Линсвич долго не отвечал. Потом написал: «Какую?»

Николай Сергеевич посмотрел на карту. На свои войска. На японские. И написал: «Хочу понять, можно ли было не проиграть».

Линсвич ответил: «Ты мешаешь. Мы играем по шаблону. Ты ломаешь шаблон. Из-за тебя у меня падает рейтинг».

Николай Сергеевич закрыл глаза. Он знал, что так будет. Знал, что другие игроки не поймут. Они хотят рейтинга. Они хотят призов. Они играют по правилам. А он — ломает правила. Не потому, что хочет. Потому, что не может иначе.

Он открыл глаза. И написал: «Прости. Но я не могу иначе».

Линсвич не ответил.

Он вернулся к карте. К своим расчётам. К своему плану. Он знал, что времени мало. Знал, что ставка не будет ждать долго. Знал, что Линсвич и другие игроки будут мешать.

Но он знал и другое. Знал, что под Сандепу японцы не укрепили левый фланг. Знал, что там можно прорваться. Если ударить быстро. Если ударить точно. Если не ждать, пока ставка одобрит.

Он подписал приказ. Не тот, что требовала ставка. Свой. И отдал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.